

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья
УДК: 316.286; 316.77; 316.28
[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Социологические науки

Коммуникационный режим Исламской Республики Афганистан: социально-политический анализ

Валентина Вячеславовна Комлева✉

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Аннотация. Статья содержит результаты пилотного исследования управляемости информационных и коммуникационных процессов в Афганистане. Автором определяется понятие «коммуникационный режим» и «управляемость», описываются показатели управляемости коммуникационных режимов и основные их типы. Концепция коммуникационных режимов впервые применяется в контексте Афганистана. Автор анализирует степень конвенциональности центра управления коммуникационным режимом в Афганистане и приходит к выводу, что режим в целом слабо конвенциональный. Рассматриваются центры управления коммуникационным режимом внутри страны и за ее пределами, делается вывод о слабой управляемости коммуникационным режимом со стороны талибов. Оценивается способность талибов бесконфликтно перевести коммуникационный режим из одного состояния в другое, способность контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима, способность талибов использовать механизмы самоорганизации и общества для регулирования коммуникационных режимов. Выделяется ряд особенностей коммуникационного режима, например, наличие «слепых зон», которые не всегда видят и понимают те, кто управляет общественными коммуникациями. Статья содержит веб-аналитику, статистические данные о СМИ, популярных браузерах, поисковиках, передающих устройствах.

Ключевые слова: Афганистан, коммуникационный режим, общественные коммуникации, политические коммуникации, медиа, СМИ, социальные сети

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Комлева В.В. Коммуникационный режим Исламской Республики Афганистан: социально-политический анализ. 2023. No 2(8). С. 118-141, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Original article
[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Sociological sciences

Communication Regime of the Islamic Republic of Afghanistan: Socio-Political Analysis

Valentina V. Komleva✉

National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russia
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Abstract. The article contains the results of a pilot study of the controllability of information and communication processes in Afghanistan. The author defines the concept of “communication regime” and “controllability”, describes the indicators of controllability of communication regimes and their main types. The concept of communication regime is applied for the first time in the context of Afghanistan. The author analyzes the degree of conventionality of the communication regime control center in Afghanistan and comes to the conclusion that the regime, in general, is weakly conventional. The centers of control of the communication regime inside and outside the country are considered, and the conclusion is made about the weak controllability of the communication regime on the part of the Taliban. The ability of the Taliban to transfer the communication regime from one state to another without conflict, the ability to control and achieve the target parameters of the communication regime, the ability of the Taliban to use the mechanisms of self-organization and society are evaluated. To regulate communication regimes. A number of features of the communication regime are highlighted, for example, the presence of “blind spots” that are not always seen and understood by those who manage public communications. The article contains web analytics, statistical data on mass media, popular browsers, search engines, transmitting devices.

Keywords: Afghanistan, communication regime, public communications, political communications, media, mass media, social networks

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Komleva V.V. Communication Regime of the Islamic Republic of Afghanistan: socio-political analysis. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023;2(8): 118-141, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Введение

Коммуникационный режим является объектом научных исследований с 2020 г. За три года активных полевых исследований в страновых контекстах и теоретической разработки научной концепции коммуникационных режимов этот подход показал высокий гносеологический и прогнозный потенциал для анализа внутриполитических процессов в странах и регионах и для анализа внешнеполитических отношений. В отношении Афганистана данный концепт применяется впервые. Актуальность исследования обусловлена как минимум следующими причинами.

- Недостаточность в современной российской афганистике комплексных междисциплинарных исследований общественных и коммуникационных процессов в Афганистане, СМИ, особенностей медиапространства и связанных с ними проблем. Практически нет исследований по динамике современной социальной структуры общества, предопределяющих потребление информационного контента. Незначительно число исследований институтов социализации и происходящих в них процессах, формирующих мировоззрение и поведенческие установки афганской молодежи. В условиях информационных и когнитивных войн, обострения конкуренции идеологий и мировоззренческих моделей это заведомо проигрышная позиция как с точки зрения обеспечения международного лидерства российской афганистики, так и с точки зрения разработки аналитических документов для принятия решений в области российско-афганских отношений.

- Формирование модели дискриминационной культуры в Афганистане. События в стране показывают допустимость модели коммуникации, при которой не учитываются интересы ряда социальных групп, часть населения ограничена в коммуникациях с властью и участии в общественном процессе, они не могут влиять на формирование условий своей жизни. Допустимость реализации модели дискриминационной культуры в одной стране может вызвать аналогичные прецеденты в других странах, что приведет к усилению вынужденной миграции, росту социального напряжения в принимающих социумах и дестабилизациям в странах и регионах.

- Идеологическое противостояние в многополярном мире, борьба не только за природные и трудовые ресурсы, за территории, но и за умы людей. В этой борьбе участвуют не только гражданские идеологии, но и религиозные, противостоять которым значительно сложнее, так как они базируются на иррациональных основах, вере и безусловном доверии. Потеря влияния гражданских идеологий в Афганистане будет иметь серьезные (для России, скорее всего, негативные) политические последствия.

Данная статья имеет две цели: 1) обратить внимание научной общественности на названные выше пробелы в исследованиях современного Афганистана; 2) апробировать разработанную автором концепцию коммуникационных режимов и методику их исследования в афганском контексте.

Материалы и методы

Помимо хорошо известных работ по проблемам Афганистана [1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 18, 19, 21, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33] материалы исследования составили: публикации ученых и экспертов в области общественной и политической коммуникации в Афганистане и СМИ [2, 10, 11, 12, 17, 20, 23, 24, 28, 34, 35, 36, 37, 38]; национальные и международные документы, регулирующие деятельность СМИ и процесс информирования граждан в Афганистане¹; истории афганских СМИ и журналистов²; материалы афганских, российских и иных зарубежных аналитических центров, изучающих медиа- и информационные процессы в Афганистане (Центр изучения современного Афганистана, Center for Afghanistan Studies of University of Nebraska Omaha, Institute for Afghan Studies, Center for Afghanistan Studies in Jindal School of International Affairs и др.); статистические данные и инструменты веб-аналитики StatCounter.

Ограничения эмпирической базы исследования связаны с неточностью и недостаточностью статистических данных, недоступностью открытых результатов мониторинга афганских СМИ, проводимых российскими структурами, российских аналитических материалов по проблемам информационного пространства и систем социальной коммуникации в современном Афганистане. Соответственно, затруднены объективные исследования и разработка предложений с российской точки зрения. Оперирование, возможно, неточными и ангажированными данными зарубежных структур могут привести к неверным выводам. В данной статье будут использованы материалы, опубликованные на зарубежных ресурсах, верификация которых была проведена путем консультаций с экспертами Института востоковедения РАН и Центра изучения современного Афганистана. С этих позиций мы можем считать, что наши результаты и выводы достоверны.

В исследовании применялись общенаучные методы, а также методы ретроспективного анализа, контент-анализа, ивент-анализа, сравнительного анализа.

Для анализа и интерпретации данных был использован гносеологический потенциал концепции коммуникационных режимов, разработанной автором на базе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия) [8, 15, 16, 18]. В 2020–2022 гг. методика анализа управляемости коммуникационных режимов была апробирована в ходе мониторингов стран постсоветского пространства [13, 14, 16, 22].

Результаты международных научных дискуссий по проблемам коммуникационных режимов отражены в совместных публикациях российских и зарубежных ученых, представленных на страницах журнала «Россия и мир: научный диалог» в 2022 и 2023 гг.

¹ Afghanistan' Mass Media Law. URL: <https://afjc.media/english/killed/afghanistan-mass-media-law/>; Afghanistan's Access to Information Law. URL: <https://afjc.media/english/killed/afghanistan-s-access-to-information-law/>.

² URL: <https://afjc.media/english/a-journalist-a-story/>; Inside an Afghan news network's struggle to survive. <https://cpj.org/2022/08/inside-an-afghan-news-networks-struggle-to-survive/>; Reporting Afghanistan and Iraq: Media, military and governments and how they influence each other. <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/reporting-afghanistan-and-iraq-media-military-and-governments-and-how-they-influence>; Afghanistan's media crisis: One year after the Taliban takeover. <https://cpj.org/reports/2022/08/afghanistans-media-crisis/> и др.

Результаты исследования

Коммуникационный режим рассматривается нами как управляемая (с разной степенью управляемости), институционализированная (с разной степенью институционализации) система норм, правил, принципов, обычаев, традиций, структур, акторов, регулирующих коммуникационные процессы в стране. Коммуникационный режим регулирует: 1) содержание сообщений, контент (дискурс, новые понятия, слова, слоганы, нарративы, шаблоны, язык коммуникации и т.п.); 2) акторов коммуникации, каналы, форматы распространения, обмена информацией, выстраивания общественных и политических связей (например, традиционные и новые медиа, блогеры, киноиндустрия, искусство, формы взаимодействия социальных групп, общества и власти, публичные мероприятия и др.).

Когда мы говорим о коммуникационном режиме, то подразумеваем не только СМИ, но и коммуникации внутри общества (например, между племенами, институтами гражданского общества и др.) и коммуникации общества с разными институтами: властью, медиа, бизнесом, религиозными институтами и др. Правила и условия таких коммуникаций устанавливает власть и само общество, вырабатывая, институционализируя наиболее эффективные практики (они оформляются как обычаи, традиции, привычные поведенческие паттерны, стереотипы, мифы и т.п.).

С социальной точки зрения коммуникационный режим упорядочивает связи и содержание информации. В итоге он обеспечивает социальный порядок и самосохранение общественной системы. С политической точки зрения коммуникационный режим обеспечивает контроль содержания информации, информационных потоков, каналов и форм коммуникации. В итоге управляемый коммуникационный режим обеспечивает поддержку и воспроизводство политического порядка. Проблемы в коммуникационных режимах ведут к социальной дезорганизации, политической дестабилизации, потере субъектности, доверия и легитимности власти. Наш опыт показал, что исследование управляемости коммуникационных режимов позволяет прогнозировать социальные и политические флуктуации и возможные дестабилизации. По сути, политическая стабильность есть функция от управляемости коммуникационного режима. Условно это можно выразить формулой:

ПС = f (УКР),
где ПС – это политическая стабильность, УКР – управляемость коммуникационного режима, f – функция.

Чем более управляем коммуникационный режим, тем более вероятна общественно-политическая стабильность. Но до определенного предела, до некой меры. Иными словами, управляемость определяется нами как мера контроля со стороны управляющего центра (субъектов управления, принимающих решения в отношении правил и институтов коммуникации) при добровольном согласии объектов управления со степенью своей автономности и подчиненности.

В любом коммуникационном режиме есть «слепые зоны», в которых находятся, как правило, социокультурные регуляторы, когнитивные конструкты, определяющие

щие общественные и политические коммуникации. В «слепой зоне» находятся и новейшие практики коммуникации, которые трудно выявить и понять на начальных этапах их появления. Например, разные форматы цифровых коммуникаций (известны примеры гейм-мобилизации и др.).

Основу нашей методики анализа управляемости коммуникационных режимов составляют три значимых параметра:

- степень конвенциональности центра управления коммуникационным режимом;
- место нахождения центра управления коммуникационным режимом (внутри страны или за пределами страны);
- оценка показателей управляемости, к которым мы относим:

- 3.1) способность и возможность центров управления коммуникационным режимом бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое;
- 3.2) способность контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима;
- 3.3) способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации объектов управления.

На основе параметров 1 и 2 нами была предложена типология коммуникационных режимов в координатах его конвенциональности и места нахождения центра управления коммуникациями (каналами коммуникации и информационным контентом). Были выделены четыре типа коммуникационных режимов (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Условная классификация типов страновых коммуникационных режимов

Figure 1. Conditional classification of types of country communication regimes

СТЕПЕНЬ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЯМИ	Конвенциональный	1	2
	Неконвенциональный	3	4
Внешний			
Внутренний			
МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ			

Опыт исследования коммуникационных режимов в 14 странах показал отсутствие «чистых» типов 1, 2, 3, 4.

Применяя эту методику в контексте Афганистана, считаем, что он может быть отнесен к третьему типу внутреннего неконвенционального коммуникационного режима с особым типом влияния внешних центров управления.

Степень конвенциональности коммуникационного режима Афганистана

Оценивая первый показатель управляемости – степень конвенциональности коммуникационного режима Афганистана – по шкале от -10 (отсутствует) до +10 (прини-

мается и одобряется всеми), Афганистан получает -5 баллов. Установленные нормы и правила признаются лишь частью общества. Конвенциональность коммуникационного режима в современном Афганистане обеспечивается не должной легитимностью действующей власти и доверием к ней, а апеллированием власти к традициям и устоям ислама. По сути, мы имеем дело с феноменом навязываемого воспроизводства норм и правил, эффективность которых для управления обществом не высока. Это провоцирует сопротивление со стороны изменяющегося социума. Речь идет, как минимум, о нормах и правилах коммуникации с женщинами, жестком цензуровании СМИ, сужении возможностей гражданских коммуникаций и воспроизводстве этно-племенных нередко конфликтующих между собой моделей коммуникации.

Отметим, что сложность оценки степени конвенциональности коммуникационного режима в Афганистане связана с мировоззренческим фокусом разных исследователей. Мы исходим из позиции необходимости развития открытого общества, создания механизмов влияния общества на динамику норм и правил коммуникации (в системах «власть – общество», «общество – общество», «власть – СМИ», «СМИ – общество» и др.), свободного и равного доступа к информации и информационным ресурсам и т.п. С этих позиций наши интерпретации, выводы и рекомендации будут в большей степени касаться развития недискриминационной культуры Афганистана. Если же мировоззрение исследователя будет близким к мировоззрению талибов, то установленные нормы и правила будут трактоваться с точки зрения их эффективности для сохранения управляемости в Афганистане и воспроизводства устанавливаемого политического порядка. Обе группы исследователей по-своему будут правы. Как говорится, с точки зрения штопора нож изогнут. Но факт того, что страну покинули тысячи афганцев, не согласных с новым режимом, а часть ушла в открытую или латентную оппозицию, – показатель того, что режим мало эффективен (если он вообще заинтересован в сохранении населения на территории Афганистана и его как минимум социально-экономическом развитии). Итак, первый признак неконвенциональности – вынужденные беженцы, второй – наличие оппозиционных групп, продолжающих вести борьбу внутри страны. Например, Центр журналистов Афганистана (AFJC)³ считается независимой, неправительственной организацией, действующей в соответствии с Законом страны о СМИ⁴ с целью защиты прав афганских журналистов и обеспечения свободы слова в Афганистане. Защитой интересов СМИ в Афганистане занимается и другая организация – Nai Supporting Open Media⁵. Действуют правозащитные организации женщин [12]. Можно по-разному относиться к деятельности этих центров, но они работают (по некоторым данным, в настоящее время сотрудники этих центров находятся за пределами Афганистана).

Третий признак неконвенциональности коммуникационного режима – создание зарубежных консолидированных сообществ, стремящихся изменить ситуацию в Аф-

ганистане, публикующих информацию о политике власти Афганистана в отношении журналистов, СМИ, содержания информационного контента. Зарубежные страны поддерживают сообщества из числа выходцев из Афганистана, создавая из них группы, формирующие информационный контент, потребляемый не только вовне, но и внутри Афганистана. Например, в 2022 г. Федеральным министерством иностранных дел ФРГ и Уполномоченным федерального правительства по культуре и СМИ была запущена германская инициатива «Ханна Арендт», направленная на поддержку уязвимых работников СМИ из Афганистана⁶. Поддержка афганских журналистов, бежавших после прихода к власти талибов в августе 2021 г., заключается в материальной, методической, обучающей, информационной поддержке. Обучение строится на принципах Mobile reporting (качественное позиционирование себя в репортажах, сделанных в изгнании). В рамках проекта «Space for freedom» в 2022 г. было поддержано 20 журналистов, бежавших в соседние с Афганистаном страны, а в 2023 г. планируется включить в программу еще 45 журналистов. Все инструкторы родом из Афганистана и являются носителями языка дари или пушту. Сотрудники редакции DW⁷, говорящие на дари и пушту, выступают в качестве наставников и при подготовке репортажей и обучают правилам журналистской безопасности.

С аспектом зарубежной поддержки НПО, специализирующихся на вопросах коммуникации, тесно связан второй критерий оценки управляемости коммуникационных режимов – место нахождения центра управления коммуникационным режимом.

«Множественность» центров управления коммуникационным режимом

Второй показатель управляемости коммуникационного режима – место нахождения центра управления – оценивается, как и первый, по шкале от -10 (центр находится за рубежом) до +10 (центр находится внутри). Оценка Афганистана +5 баллов, так как фиксируется внешнее влияние на общественные коммуникации по медиа-каналам, каналам НПО, диаспоральным связям и зависимость информационных систем от внешних акторов.

Анализ публикаций, посвященных эволюции медиaprостранства Афганистана, позволяет сделать вывод, что Афганистан никогда в современной истории не был суверенным субъектом своего коммуникационного режима. Он часто управлялся из зарубежных центров. С момента появления первой газеты «Шамсунахар» (1873), первого радиопередатчика (1920), первой телетрансляции (1978) СМИ Афганистана развивались при внешней поддержке. Почти все СМИ прямо или косвенно зависели и зависят от международных фондов. Когда международные фонды сократили (или прекратили) финансирование, СМИ Афганистана начали закрываться. По сути, коммуникационный режим никогда не имел только внутренний центр управления

³ До 2011 г. действовала под названием «Центр поддержки журналистов Афганистана» (CSJA, лицензия Министерства информации и культуры от 2009 г.). Официальный сайт AFJC: URL: <https://afjc.media/>.

⁴ Mass Media Law (Translation of Official Gazette). URL: <https://afjc.media/english/killed/afghanistan-mass-media-law>.

⁵ URL: <https://nai.org.af/>.

⁶ Около 300 000 человек из Афганистана живут в Германии. URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/life/the-afghan-community-in-frankfurt-rhine-main>.

коммуникациями. Отметим, что в 1970–1990-х гг. особую роль в формировании общественного мнения Афганистана играли иностранные СМИ, среди которых особо выделяется «BBC». Например, афганский автор Наби А. отмечает роль этого издания в формировании общественного настроения перед приходом к власти талибов в 1990-х гг.: талибы воспринимались обществом как сила без политических амбиций, сформировалось мнение, что их главная цель – привести к власти бывшего короля Захир-Шаха. Даже в период «расцвета» национальных медиа в Афганистане было много различных консультирующих и контролирующих органов. Так, Айеша Танзим (директор отделения Южной и Центральной Азии «Голоса Америки»⁷, бывший глава бюро по Афганистану и Пакистану) вспоминает, как работал медиааналитиком по контракту с посольством США в Кабуле в 2013 г. и следил за СМИ Афганистана⁷.

Внешнее влияние касалось не только медиакоммуникаций, но и гражданских коммуникаций путем регулирования деятельности НПО. Предпринимались попытки разрыва традиционных внутренних и межплеменных, межэтнических коммуникаций, о чем мы уже писали в одной из публикаций [18]. В случае успеха это позволило бы минимизировать «слепые зоны» коммуникационного режима и уменьшить влияние исторически сложившихся практик (традиций, стереотипов, обычаев) на коммуникационный режим Афганистана. Иначе говоря, на практике почти сформировался феномен параллельного существования одного (официального) коммуникационного режима, сформированного официальной властью, и второго коммуникационного режима, сформированного общественными институтами. Ясно, что в случае несовпадения этих двух видов коммуникационных режимов высока вероятность серьезного общественно-политического напряжения.

Кроме указанных центров влияния нельзя упускать из виду влияние ИГИЛ⁸. Согласно информации МИД России, численность ИГИЛ^{*} в Афганистане – 4–6 тыс. человек. «В Афганистане действуют более 20 террористических организаций, общая численность боевиков – 20–23 тыс. чел., больше половины из них – иностранные граждане. Наиболее крупные формирования: ИГИЛ (ИГИЛ-Хорасан)⁹, “Аль-Каида”⁹, Движение талибов Пакистана, “Лашкар-е Тайиба”, Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ). Кроме того, в стране действует ряд мелких группировок численностью до нескольких сотен человек каждая: “Катиба Имам аль-Бухари” (провинции Джаузджан, Сари-Пуль и Фарьяб), Шариатское движение “Мохаммади” (уезд Вардудж провинции Бадахшан), “Союз исламского джихада” (уезды Имам-Сахиб

⁷ Event Extra: Afghanistan's Media Landscape Amid Taliban Rule (January 25, 2023). URL: <https://www.usip.org/publications/2023/01/event-extra-afghanistans-media-landscape-amid-taliban-rule>.

⁸ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

⁹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

и Дашти-Арчи провинции Кундуз), “Лашкар-е Джангави”, “Ансарулла” (Кундуз), “Группа призыва джихада” (Нангархар, Кунар, Нуристан), “Лашкар-е Ислам” (уезды Назиян, Ачин и Дурбаба провинции Нангархар), “Группа Аль-Бадр” (уезды Гошта, Назиян и Момандара провинции Нангархар, уезд Шигал провинции Купар), “Горух-е Махаз-е Федайи” (Урузган, Кандагар и Гильменд), “Движение моджахедов”, “Движение исламского джихада”¹⁰. Эти структуры имеют свои каналы коммуникации и влияния.

С точки зрения медиацентров влияния на общественное мнение, имеются как минимум пять групп каналов влияния:

- Медиа, находящиеся внутри страны (государственные и частные). Структура медиаресурсов Афганистана имеет свои особенности, суть которых в низкой доступности печатных медиа (по причинам низкой грамотности населения, недостаточного финансирования печати больших тиражей, сложной логистики доставки газет в сельские территории и, возможно, низкого уровня культуры и привычки чтения). По неофициальным данным, лишь 1% населения читает газеты. Телевидение охватывает примерно 40% населения (имеется частное телевидение), а радио – примерно 73%. Большой популярностью пользуются социальные сети (их структура была рассмотрена ниже).

- Местные отделения национального телевидения Афганистана (RTA) в настоящее время не работают, количество частных телеканалов заметно сократилось. На этом фоне большую роль в коммуникациях играет радио. В основном частные радиостанции. В настоящее время существуют частные радиостанции Oshkula, Talim-u-Islam, Sheikh Mati и Национальное радио, работающие в столице провинции Калате, и Surghar Radio в отдаленном районе Шахджой. Недавно открылась частная радиостанция Paigham в провинции Забул. Медиа внутри страны более других контролируются талибами.

- Внешние медиа, развиваемые журналистами, уехавшими из страны после прихода к власти талибов. Они ведут каналы на YouTube, веб-сайты, страницы в социальных сетях. Эти медиа не контролируются талибами. Заметим, что талибы в годы вооруженной борьбы против США достаточно эффективно использовали СМИ. Например, по уровню оперативности пресс-секретари талибов иногда обходили представителей властей и иностранных государств. Талибы достаточно эффективно пользовались тем принципом, что СМИ обязаны были отображать и их позицию.

- Внешние международные медиаорганизации, такие как «Голос Америки»¹¹, BBC¹², Deutsche Welle¹³, RFE/RL¹⁴, не контролируются талибами. Когда в Афганистане были закрыты их телепрограммы, то, например, «Голос Америки»¹⁵ запустил круглосуточный спутниковый телеканал на языках дари и пушту, направляющий сигнал в Афганистан. При закрытии FM-радиостанций международные медиа перешли на короткие и средние волны.

- СМИ соседних стран, вещающих на языках, понятных населению Афганистана. Эти медиа тоже не контролируются талибами.

¹⁰ Информация МИД России о военно-политической ситуации в Афганистане по состоянию на апрель 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty-obstanovka-v-afganistane/.

• Социальные сети. У талибов пока нет ресурсов, чтобы закрыть социальные сети. Это возможно, если только появится возможность полностью отключить Интернет. Но, вероятно, это не выгодно самим талибам, так как они пользовались соцсетями ранее¹¹ и пользуются ими сейчас. В соцсетях активно работают сторонники талибов. Например, недавно активисты афганской диаспоры в Бельгии инициировали сбор подписей за выдворение из страны проталибского блогера¹².

Учитывая влияние Интернета, новых медиа, социальных сетей на современные общества, было важным проанализировать зависимость коммуникационного поля Афганистана от системы социальных сетей, браузеров, поисковиков, которые создают и контролируют возможности получения информации, возможности трансграничных коммуникаций и регулируют информационный контент. Для этого мы использовали инструмент веб-аналитики StatCounter.

Анализ структуры пользователей социальных сетей Афганистана (в динамике за период с мая 2020 г. по май 2023 г.) убедительно доказывает влияние этих ресурсов. Лидером среди пользователей, а следовательно, и лидером распространения контента является Facebook[™]. Статистика социальных статей Афганистана представлена в таблицах 1 (пользователи всех устройств) и 2 (в разрезе пользовательских устройств)¹³.

Таблица 1. Доля социальных сетей в Афганистане на всех устройствах (в %) **Table 1.** The share of social networks in Afghanistan on all devices (in %)

Социальные сети	На всех устройствах			
	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май
Facebook [™]	72,9	72,46	83,31	84,5
Twitter [™]	19,48	20,55	10,28	9,81
YouTube	2,9	2,68	2,33	2,0
Instagram [™]	1,12	1,45	1,56	1,74
Pinterest	2,85	1,93	1,63	1,34
Reddit	0,25	0,36	0,5	0,44
LinkedIn [™]	0,26	0,33	0,22	0,13
Другие	0,22	0,24	0,17	0,06

Источник: составлено автором на основе анализа данных StatCounter (URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>)

Source: compiled by the author based on the analysis of StatCounter data. Available from: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>

¹¹ Емельянова О. Талибы захватывают соцсети // Афганистан.РУ, 23.10.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/146717.html>.

¹² <https://farsi.alarabiya.net/afghanistan/2023/06/15/>.

¹³ Статистика социальных статей Афганистана. <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>.

Доля пользователей Facebook[™] в Афганистане выше, чем в среднем в мире (69,97% – в мире), Twitter[™] примерно так же (9,85% – в мире). По другим социальным сетям доля пользователей в Афганистане ниже, чем в среднем по миру.

Таблица 2. Доля социальных сетей в Афганистане в разрезе пользовательских устройств (в %) **Table 2.** Share of social networks in Afghanistan by user devices (in %)

Социальные сети	Десктоп ¹⁴				Планшет				Мобильный			
	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май
Facebook [™]	36,09	32,76	36,25	21,61	71,69	63,48	72,74	68,63	74,7	74,12	84,99	86,17
Twitter [™]	20,04	23,85	16,09	26,42	11,57	19,75	15,52	13,73	19,49	20,42	10,06	9,37
YouTube	21,76	22,5	23,9	28,64	6,46	7,69	5,4	5,88	1,97	1,85	1,56	1,29
Instagram [™]	0,61	0,77	0,78	- ¹⁵	1,04	2,08	2,16	-	1,15	1,48	1,59	1,78
Pinterest	15,5	10,85	9,56	8,75	8,27	5,47	3,1	7,84	2,21	1,55	1,35	1,13
Reddit	3,42	5,74	9,4	9,4	0,4	0,83	0,67	3,92	-	0,13	0,19	0,14
LinkedIn [™]	1,92	2,7	3,16	3,16	-	-	-	-	0,18	0,23	0,12	0,12
Vkontakte	-	-	-	0,51	-	-	-	-	0,13	-	-	-
Tumbir	-	-	-	-	-	0,28	-	-	-	-	-	-
news.ycombinator.com	-	-	-	-	-	-	0,27	-	-	-	-	-
Другие	0,67	0,83	0,85	0,51	0,3	0,49	0,13	-	0,16	0,22	0,15	0,04

Источник: составлено автором на основе анализа данных StatCounter (URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>)

Source: compiled by the author based on the analysis of StatCounter data. Available from: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>

Материалы таблицы наглядно показывают ежегодное увеличение числа пользователей Facebook[™] на мобильных устройствах. Если учесть динамику рынка мобильных устройств в Афганистане (Таблица 3), можно прогнозировать в перспективе рост влияния Facebook[™] на коммуникационный режим Афганистана, в том числе на структуру коммуникации и ее содержание.

¹⁴ Десктоп – стационарный персональный компьютер.

¹⁵ Здесь и далее пропуск значений в ячейке означает, что в базе StatCounter нет данных.

Таблица 3. Доля мобильных устройств в структуре пользовательских устройств в Афганистане¹⁶**Table 3.** Share of mobile devices in the structure of user devices in Afghanistan

	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май
Мобильные устройства	75,95	78,32	78,39	82,24
Десктопы	23,32	21,01	20,96	17,36
Планшеты	0,74	0,67	0,64	0,4

Источник: составлено автором на основе анализа данных StatCounter (URL: <https://gs.statcounter.com/platform-market-share>)

Source: compiled by the author based on the analysis of StatCounter data Available from: <https://gs.statcounter.com/platform-market-share>

Показателем возможного внешнего контроля коммуникаций в Интернете является доля рынка браузеров. Браузер – это, по сути, коммуникационное окно, от которого зависят особенности поиска информации, выгрузка контента (разного формата) на компьютерах или мобильных устройствах. Этот посредник между Интернетом и пользователями задает условия поиска и размещения информации, степень безопасности персональных данных и степень их доступности внешним акторам. Война браузеров ведется много лет. В настоящее время безоговорочным мировым лидером является Google Chrome (64,9% во всем мире). Safari составляет 19,21% мирового рынка. Другие браузеры занимают значительно меньший объем (менее 5%). Афганистан не стал исключением. Доля рынка Google Chrome среди всех браузеров в Афганистане равна 73,48%, Safari – 17,79%, Samsung Internet – 3,63%, Edge – 1,29%, Opera – 1,18%, UC Brauser – 1,06%, Firefox IE – 0,91%, Android – 0,19%. Доля иных браузеров – 0,23%. По сравнению с 2022 г. отметим, что в 2023 г. доля Safari снижается, а доля Google Chrome увеличивается. Иными словами, безопасность коммуникационного режима Афганистана в некоторой степени зависит от Google Chrome и политики ее владельцев – американской транснациональной корпорации (холдинг Alphabet).

Еще одним показателем контроля коммуникационных режимов является доля рынка поисковых систем, операционных систем и мобильных устройств. Мировым лидером является поисковая система Google (93,12% мирового рынка). В Афганистане доля Google в мае 2023 года составляла 96,64%. Среди прочих поисковиков в Афганистане отметим Bing (2,45%). Остальные (Yahoo!, Yandex, DuckDuckGo) имеют менее чем по 1%.

Среди операционных систем в мире лидируют Android (34,98% мирового рынка) и Windows (29,27%). В Афганистане также лидирует Android (66,12%), и он практически монополист. Windows (11,36%) занимает третью позицию после IOS (16,18%). Значительно меньшие показатели имеют OS X, Linux и др.

¹⁶ Для сравнения: доля мобильных устройств в Афганистане значительно выше, чем на мировом рынке, где мобильные устройства составляют 50,71% рынка, десктопы – 47,41%, планшеты – 1,88%.

В структуре мирового рынка мобильных устройств (на май 2023 г.) треть занимает Apple (31,44%), четверть рынка – Samsung (25,27%). В Афганистане иная ситуация. Здесь лидирует Samsung (56,39%), а Apple имеет 19,56% афганского рынка. Остальные (Xiaomi, Huawei, Oppo, Vivo и др.) занимают менее чем по 5% рынка.

Иными словами, и экономические, и социальные, и политические, и технологические особенности коммуникационного режима Афганистана показывают его зависимость от внешних акторов, несмотря на попытки талибов устанавливать рамки, правила и условия коммуникации внутри страны. Высока вероятность того, что рассмотренные центры влияния на коммуникационный режим, альтернативные действующей власти, станут движущими силами изменений.

Способность достигать целевых параметров, адаптироваться и использовать самоорганизующиеся сообщества

Показатель управляемости – способность контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима.

Для любой системы управления сложно безошибочно определить и вербализовать в документах целевые показатели коммуникационного режима, то есть цели, ради которых выстраивается именно такая система норм, правил, акторов и каналов коммуникации, ради которых она реформируется (или разрушается).

За свою историю коммуникационный режим (точнее сказать, режимы) Афганистана не раз претерпевали существенные изменения. Эти изменения были связаны как с технологическим прогрессом (появление радио, телевидения, Интернета), так и с политическими факторами. Чаще всего изменения были обусловлены сменой политических режимов и, как следствие, сменой представлений правящих политических элит об идеальной модели коммуникации внутри страны. Целевые показатели современного режима определяются талибами «в рамках нашей культуры». Речь идет о культуре и ценностях, хорошо описанных М.А.Конаровским и ведущих к изолированности от внешнего мира части населения, живущего в удаленных районах сельской местности и горных долинах, «вследствие чего жизненный уклад, ценности не меняются в таких общинах веками. Авторитетом для них является скорее не эмир, а местный старейшина»¹⁷, в воспитании они ориентируются на «пуштунвалу», а «прослойкой, выступающей толкователями воли Аллаха, выступают сельские муллы, которые в свою очередь и являются основным костяком «Талибана». Поэтому часть жителей Афганистана, по мнению М.А.Конаровского, «в той или иной мере разделяет ценности движения «Талибан» и, в основном, солидарна с целями, декларируемыми его руководством. Политика талибского руководства, касающаяся соблюдения шариата, положения женщин, соответствует представлениям сельского населения и значительной части жителей превратившихся в провинции афганских городов о нормах

¹⁷ Конаровский М.А., Белков Е.А., Зимин И.А. Афганистан: вызовы и перспективы. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afghanistan-vyzovy-i-perspektivy/?sphrase_id=102528128

общественной жизни и не вызывает у них ни малейшего отторжения»¹⁸. Вместе с тем, наблюдаются изменения (особенно среди городских жителей), проводниками которых были светские образовательные учреждения, НПО, медиаресурсы, оказывающие влияние на мировоззрение населения Афганистана. Изменяющееся афганское общество уже не готово в полной мере, некритично и безусловно принять рамки традиционной культуры, о которой говорят талибы. Это отмечают и некоторые российские эксперты. Например, о необходимости изменения талибов говорит в своем интервью директор второго департамента Азии МИД России, спецпредставитель Президента Российской Федерации по Афганистану Замир Кабулов¹⁹.

Обобщая сказанное, отметим, что общественное сопротивление (латентное или видимое) показывает, что талибы способны контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима в основном силой и актуализацией эмоций страха.

По данным Центра журналистов Афганистана (AFJC), с мая 2022 г. по май 2023 г. совершено не менее 213 случаев насилия, угроз, задержаний, арестов журналистов (это составляет 64% от числа случаев за период с мая 2021 г. по май 2022 г.). Ответственность за часть случаев взяла на себя ИГИЛ*, а остальные инциденты, по мнению AFJC²⁰, были совершены «Талибаном»²¹. В 2022 г. Афганистан занял 156-е место (из 180 стран) во Всемирном индексе свободы прессы организации «Репортеры без границ» (RSF), опустившись со 122-го места в 2020 г. Отметим, что объективность данных организации «Репортеры без границ» (RSF) вызывает сомнения, так как в рейтинге свободы прессы рядом с Афганистаном находятся Россия (155-е место), Беларусь (153-е место), Азербайджан (154-е). Но в данной статье мы приводим результаты по Афганистану с той точки зрения, что на эти же данные ссылается ООН²², принимая решения глобального уровня.

Показатель управляемости – способность и возможность центров управления коммуникационным режимом Афганистана бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое.

Талибам пока не удалось бесконфликтно решить эту задачу. Несмотря на то, что официальный представитель правительства и исполняющий обязанности заместителя министра информации и культуры Забиулла Муджахид подтвердил, что закон о печати, принятый в марте 2015 г., остается в силе, правовое поле деятельности СМИ

весьма непродолженное. СМИ получают указания от разных правительственных структур, в том числе от министерства культуры и информации, Главного управления разведки «Талибана»*, министерства поощрения добродетели и подавления порока, Государственного центра СМИ и информации (GMIC)²³. Некоторые эксперты считают, что противоречия правоприменительной практики законов о СМИ и информации, неопределенность правил взаимодействия власти с журналистами, менеджерами и владельцами СМИ создают предпосылки для чрезмерной цензуры и неправовых действий власти, особенно в сельской местности.

По информации Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA), с 2021 г. сектор СМИ в Афганистане пострадал не только от политики талибов, но и от экономического кризиса. Из Афганистана уехало большое количество журналистов, а оставшиеся вынуждены работать «в атмосфере запугивания и страха на фоне ужесточения ограничений со стороны де-факто властей Талибана»²⁴.

В настоящее время особенно пострадали женщины-журналисты по причине дополнительных ограничений²⁵. По неофициальным данным, до падения республики в медиасекторе по всей стране работало примерно 1 300 женщин-журналистов и работников СМИ. Сейчас число женщин в СМИ сократилось на 67%, 899 женщин потеряли работу в СМИ²⁶. По данным IMS²⁷, в 16 провинциях вообще нет работающих женщин-журналистов или сотрудниц СМИ²⁸. По данным Nai Supporting Open Media²⁹, ранее в стране действовало 464 СМИ.

Показатель управляемости – способность талибов использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации объектов управления.

Такая способность в настоящее время невысока. Во-первых, потому что такие механизмы в нынешних условиях практически не развиваются внутри Афганистана (речь идет об общественных инициативах, инструментах обратных связей с гражданскими активистами и т.п.). Во-вторых, подорвано доверие и растет конфликтный потенциал даже тех сообществ, которые традиционно использовали механизмы само-

23 URL: <https://rsf.org/en/country/afghanistan>.

24 FUTURE OF AFGHANISTAN'S MEDIA IN THE BALANCE AS WORLD MARKS WORLD PRESS FREEDOM DAY. URL: <https://unama.unmissions.org/future-afghanistan%E2%80%99s-media-balance-world-marks-world-press-freedom-day>.

25 Ограничения на женщин-журналистов и работников СМИ, которые включают следующее: мужчины и женщины не могут работать в одной и той же телепрограмме, рабочие студии для мужчин и женщин должны быть разделены, женщины должны закрывать лица, появляясь на экране, и «Талибан» может вмешиваться в то, кто может выступать в качестве аналитиков в политических программах, и ограничивать выступления критиков «Талибана». Власти де-факто также объявили, что женщинам не разрешается выбирать журналистику для вступительных экзаменов в университеты. Это означает, что ни одна новая женщина не получит формального журналистского образования. Источник информации: The Taliban wants Afghan women in media to become invisible. URL: <https://www.mediasupport.org/blogpost/the-taliban-wants-afghan-women-in-media-to-become-invisible/>.

26 Ibid.

27 IMS (International Media Support) – международная некоммерческая организация, основана в 2001 г. Штаб-квартира в Копенгагене (Дания), региональные офисы по всему миру. Основное финансирование – министерства иностранных дел Швеции, Дании и Норвегии.

28 The Taliban wants Afghan women in media to become invisible. <https://www.mediasupport.org/blogpost/the-taliban-wants-afghan-women-in-media-to-become-invisible/>.

18 Конаровский М.А., Белков Е.А., Зимин И.А. Афганистан: вызовы и перспективы. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afghanistan-vyzovy-i-perspektivy/?sphrase_id=102528128

19 Замир Кабулов: мы предугадали развитие ситуации в Афганистане еще 8 лет назад <https://www.interfax.ru/interview/821601>

20 World Press Freedom Day 2023: AFJC records 213 incidents of press freedom violations in a year. URL: <https://afjc.media/english/events/press-release/world-press-freedom-day-2023-afjc-records-213-incidents-of-press-freedom-violations-in-a-year>.

21 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

22 FUTURE OF AFGHANISTAN'S MEDIA IN THE BALANCE AS WORLD MARKS WORLD PRESS FREEDOM DAY. URL: <https://unama.unmissions.org/future-afghanistan%E2%80%99s-media-balance-world-marks-world-press-freedom-day>.

организации для достижения своих целей (племена, кланы). Игнорирование новых механизмов и акторов, вероятно, приведет к усилению давления на коммуникационный режим низовых общественных структур. Талибы, вероятнее всего, вынуждены будут пойти на уступки в части либерализации норм общественной коммуникации или усилить контроль и репрессии. Однако в случае усиления давления, достижения предельных показателей будет превышена та мера, о которой мы говорили, давая определение управляемости, и коммуникационный режим выйдет из-под их контроля.

Выводы

Несмотря на жесткую политику талибов в отношении норм и правил общественной коммуникации (как в отношении нарративов и содержания информации, так и в отношении каналов коммуникации), несмотря на снижение возможностей СМИ и гражданского общества влиять на коммуникационные режимы, они все же остаются не полностью подконтрольными талибам.

Основными акторами коммуникационного режима в Афганистане являются: внутри страны – талибы, этнические, родоплеменные группы, СМИ, НКО; за пределами страны – инвесторы (международные фонды и правительства зарубежных стран); международные НКО; выехавшие представители политической элиты, имеющие ресурсы влияния на афганское общество; международные СМИ, социальные сети, международные корпорации, контролирующие информационные технологии сети.

Институциональную основу коммуникационного режима формально формируют талибы (хотя периодически вынужденные отступать от своих решений под давлением международных субъектов). Несмотря на то, что сохранена законодательная база, регулирующая СМИ, ее избирательное соблюдение со стороны талибов вызывает рост недоверия к ним, что делает их статус как центра управления все менее конвенциональным. Развитие дискриминационного типа культуры коммуникации провоцирует рост недовольства ущемленных групп населения.

В условиях навязывания норм «традиционной культуры» провоцируется ситуация, при которой законы отходят на второй план, а режим коммуникации регулируется неформальными, исторически сложившимися коммуникативными практиками, традициями и обычаями. В этих условиях круги коммуницирующих сужаются до «своих» людей. Высока вероятность роста радикализации и роста оппозиционности в этих коммуникационных кругах.

Обозначенные талибами целевые параметры коммуникационного режима, призванные в идеале консолидировать общество ради их достижения, наоборот, раскалывают общество на сторонников и противников. Репрессии против несогласных привели к формированию альтернативных центров влияния за пределами страны. Нарушение известного «закона Эшби» о необходимом разнообразии в конце концов приведет к неспособности системы адаптироваться к изменяющейся реаль-

ности. Высока вероятность ее саморазрушения, скорость которого будет зависеть и от силы влияния внешних акторов.

Коммуникационный режим современного Афганистана крайне неустойчив, характеризуется противоречивостью норм и правил общественной и политической коммуникации, несоответствием реальной практики регулирования режима и положений законов, многочисленными «слепыми зонами» (плохо видимыми, но влияющими на реальные каналы и содержание коммуникации). В условиях противоречивости норм и правил коммуникации, наличия внешних центров влияния и управления, низкого доверия к официальным каналам информации, высокой роли неформальных коммуникационных структур степень управляемости коммуникационного режима в современном Афганистане невысока. Данная статья подготовлена в рамках нашего пилотного проекта с Центром изучения современного Афганистана. Надеемся, что она заинтересует читателей и будет иметь продолжение в совместных исследованиях с российскими и зарубежными учеными.

Список источников

1. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии [The Afghan knot and the security problems of Central Asia]. Алма-Ата: КИСИ, 2003. 163 с.
2. Бахадари А.Ф., Касеми М.А. Политическое развитие Афганистана после 2001 г [Political development of Afghanistan after 2001] / А.Ф. Бахадари // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 3(79). С. 816-828. DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.020. EDN SMFSMG
3. Белокреницкий В.Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана – численность и расселение [Pashtuns and Pashtun tribes of Afghanistan – number of population and settlement] // Афганистан. Ру, 2022. 13 января. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147751.html>
4. Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана [Authoritarianism and democracy in Afghanistan and Pakistan]. М.: ИВ РАН, 2013. 176 с.
5. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана [The Taliban movement and the prospects of Afghanistan and Pakistan]. М.: ИВ РАН, 2014. 216 с.
6. Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте [Afghanistan: Multiethnic Society and State Power in a historical context]. М.: Гуманитарий, 2002. 232 с.
7. Босин Ю.В. Этнический фактор во внутриафганском конфликте (исторический анализ) [The ethnic factor in the intra-Afghan conflict (historical analysis)] // Восток. 1999. № 5. С. 69–79.
8. Гасумянов В.И., Комлева В.В. (2020), Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы [Communication regimes as a factor of cross-country interactions: problem statement] // Международная жизнь. № 10. С. 38-49.
9. Искандаров К. Региональные и международные факторы распада Республики в Афганистане [Regional and international factors of the collapse of the Republic in Afghanistan] // Международные отношения и безопасность. 2022. №3(3). С. 49-62.

*Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

**включен в реестр иноагентов (на 25.06.2023 г), 18+

***Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

10. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной организации пуштунов [Social aspects of the tribal organization of the Pashtuns] // Афганистан: История, экономика, культура. М.: Наука, 1989. С. 39–57.
11. Комлева В.В., Нессар М.О. Потенциал сетевого подхода в исследовании динамики политических порядков Афганистана [The potential of the network approach in the study of the dynamics of political orders in Afghanistan] // Восточная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 90–103. DOI 10.31696/2227-5568-2023-01-090-103. – EDN RIROPY.
12. Комлева В.В., Нессар М.О. Роль НПО в трансформации традиционной сетевой модели афганского общества [The role of NGOs in the transversal three-dimensional model of the Afghan community] // Обозреватель. 2023. № 3(398). С. 56–70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56. EDN CMRLMG.
13. Комлева В.В. (2021), Международные НКО на территории стран Центральной Азии [The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society] // Обозреватель – Observer. № 12. С. 5–12. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_12_5
14. Комлева В.В. (2021) Секьюритизация национальной идентичности в коммуникационных режимах стран Центральной Азии [Securitization of national identity in the communication regimes of Central Asian countries] // Международная жизнь. № 12. С. 66–74.
15. Комлева В.В. (2021), Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country communication regime as a socio-political phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. № 1(1). С. 13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>
16. Комлева В.В. (2022), Методика анализа управляемости страновых коммуникационных режимов [Methodology for analyzing the manageability of country communication regimes] // Россия и мир: научный диалог. № 3(5). С. 94–107. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107)
17. Комлева В.В. (2022), Управляемость страновых коммуникационных режимов [Manageability of country communication regimes] // Коммуникология. № 10(1). С. 139–154. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154>
18. Комлева, В.В., Нессар М. О. Роль НПО в трансформации традиционной сетевой модели афганского общества [The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society] // Обозреватель. 2023. № 3 (398). С. 56–70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56. EDN CMRLMG.
19. Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы [Afghanistan at the turn of the century: a new crossroads of fate]. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.
20. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век [The history of Afghanistan. XX century]. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. 581 с.
21. Кушо Ф. Состояние образования в Афганистане после 11 сентября 2001 года [The state of education in Afghanistan after September 11, 2001] / Ф. Кушо // Историк. 2020. № 2(22). С. 163–171. EDN MWYPAG.
22. Лалетин Ю.П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племен [Afghanistan's Political System as an Ideal Type: the impact of Tribes]. М.: МГИМО-Университет, 2008. 105 с.
23. Леже И. (2022), Коммуникационный режим Республики Молдова: оценка управляемости [Communication Regime of the Republic of Moldova: Assessment of Manageability] // Россия и мир: научный диалог. № 4(6). С. 86–109. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-86-109](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-86-109)
24. Мохаммад К. Особенности формирования и развития структуры официальных, независимых и оппозиционных СМИ в Афганистане (1980–1990-е годы) [Features of the formation and development of the structure of official, independent and opposition media in Afghanistan (1980–1990)]: специальность 23.00.03 «Политическая культура и идеологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1993. 22 с. EDN ZLEKQD.
25. Нессар М.О., Комлева В.В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане [The Afghan model of decentralized network structures. A look at the dynamics of political order in Afghanistan] // Обозреватель. 2022. № 2(385). С. 50–71. DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_50. EDN BUHTPW.)
26. Нессар О. Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.) [Political development of Afghanistan: Estimates and forecasts (2001–2014)]. М.: ИВ РАН, 2017. 140 с.
27. Нессар О. Правительство национального единства в Афганистане [Government of National Unity in Afghanistan] // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 3. С. 145–154.
28. Нессар О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане [The ethno-tribal factor and the political process in modern Afghanistan] // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 379–383.
29. Никитюк В.А. «Придворный либерализм»: общественно-политическая жизнь Афганистана в 1910 – 1920 гг. [“Court liberalism”: the socio-political life of Afghanistan in 1910 – 1920] // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 8(20). С. 540–544. EDN QXDXJD.
30. Пластун В. Пуштуны и их роль в политической жизни [Pashtuns and their role in political life] // Азия и Африка сегодня. 1995. № 10. С. 49–50.

31. Ромодин В.А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (пуштунском) населении Афганистана [Some historical and demographic data on the Afghan (Pashtun) population of Afghanistan] // Страны и народы Востока. Вып. XV. Африка и Азия. М.: Наука, ГВРЛ, 1973. С. 169–172.
32. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.) [The People's Democratic Party of Afghanistan at power. The period of Taraki-Amin (1978–1979)]. Симферополь: Симферопольский государственный университет, 1999. – 359 с.
33. Ханеев М.В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности [The ethnic factor in the political construction of the Afghan statehood]. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2010. 25 с.
34. Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. [Afghanistan: the military and political presence of the USSR, 1979–1989]. М.: ИРИ РАН, 2016. 544 с.
35. Шарифи М.Ш. Проблемы развития образования в Афганистане [Problems of education development in Afghanistan]: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Душанбе, 2010. 25 с. EDN QGZDDV
36. Pohanyar R.S. The role of scientific and academic institutions in strengthening peace in Afghanistan / R. S. Pohanyar. Actual Science. 2021;2(43):55–62. EDN LFUNCU.
37. Seyed H.M. Religious systems in Afghanistan / H. M. Seyed. Actual Science. 2021;2(43):73–79. EDN FAOIHV.
38. Ushakova E.V. The existence of Afghanistan in the conditions of a “stateless society”. Social Phenomena and Processes. 2022; 2: 18–26. EDN TCJMKZ.
39. Wahid S. Media role in Afghanistan presidential elections / S. Wahid // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2021. № 1. С. 427–431.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 мая 2023. Одобрена после рецензирования: 25 мая 2023. Принята к публикации: 15 июня 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akimbekov S.M. The Afghan knot and the security problems of Central Asia. Alma-Ata: KISI, 2003:163 [In Russian].
2. Bahadari A.F., Qasemi M.A. Political development of Afghanistan after 2001. Voprosy politologii. 2022, Vol. 12, № 3(79):816–828. DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.020 [In Russian].

3. Belokrenitsky V.Ya. Pashtuns and Pashtun tribes of Afghanistan – number of population and settlement. Afghanistan.<url>, 2022. 13 January. Available from: <https://afghanistan.ru/doc/147751.html> (accessed 20.02.2023) [In Russian].
4. Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. Authoritarianism and democracy in Afghanistan and Pakistan. Moscow: IV REN, 2013:176 [In Russian].
5. Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. The Taliban' movement and the prospects of Afghanistan and Pakistan. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2014:216 [In Russian].
6. Bosin Yu.S. Afghanistan: Multiethnic Society and State Power in a historical context. Moscow: Humanitarian, 2002:232 [In Russian].
7. Bosin Yu.S. The ethnic factor in the intra-Afghan conflict (historical analysis). Vostok. 1999. 5:69–79 [In Russian].
8. Gasumyanov V.I., Komleva V.S. Communication regime as a factor of cross-country interactions: problem statement. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020,10:38–49 [In Russian].
9. Iscandarov K. Regional and international factors of the collapse of the Republic in Afghanistan. Mezhdunarodnyje otnoshenija I besopasnost'. 2022, 3(3):49-62 [In Russian].
10. Katkov I. Or. Social aspects of the tribal organization of the Pashtuns. Afghanistan: History, economy, culture. Moscow: Nauka, 1989:39–57 [In Russian].
11. Komleva V.S., Nessar M.O. The potential of the network approach in the study of the dynamics of political orders in Afghanistan. Vostochnaja Anaitica. 2023, Vol. 14, №1:90–103. DOI 10.31696/2227-5568-2023-01-090-103 [In Russian].
12. Komleva V.S., Nessar M.O. The role of NGOs in the transversal three-dimensional model of the Afghan community. Obosrevatel. 2023, 3(398):56-70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56 [In Russian].
13. Komleva V.S. The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society. Observatel–Observer. 2021, 12:5–12. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_12_5 [In Russian].
14. Komleva V.S. Securitization of national Identity in the Communication regimes of Central Asian countries. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2021, 12:66-74 [In Russian].
15. Komleva V.S. Country communication regime as a socio-political phenomenon. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2021, 1(1):13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26> [In Russian].
16. Komleva V.S. Methodology for analyzing the manageability of country communication regimes. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2022, 3(5):94–107. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107) [In Russian].
17. Komleva V.S. Manageability of country communication regime. Communicalighija. 2022, 10(1):139–154. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154> [In Russian].
18. Komleva V.S. Nessar M.O. The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society. Obosrevatel. 2023, 3(398):56–70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56 [In Russian].
19. Konarovskiy M.A. Afghanistan at the turn of the century: a new crossroads of fate. Moscow MGIMO–University, 2020:355 [In Russian].
20. Korgun V.D. The history of Afghanistan. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Kraft+, 2004:581 [In Russian].
21. Cousho F. The state of education in Afghanistan after September 11, 2001. Historic. 2020, 2(22):163–171 [In Russian].
22. Laletin Yu.P. Afghanistan's Political System as an Ideal Type: the impact of Tribes. Moscow MGIMO University, 2008:105 [In Russian].
23. Leger I. Communication Regime of the Republic of Moldova: Assessment of Manageability. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2022, 4(6):86–109. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-86-109](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-86-109) [In Russian].
24. Mohammad K. Features of the formation and development of the structure of official, independent and opposition media in Afghanistan (1980–1990): specialty 23.00.03 “Political culture and ideology”: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1993:22 [In Russian].
25. Nessar M.O., Komleva V.S. The Afghan model of decentralized network structures. A look at the dynamics of political order in Afghanistan. Observer. 2022, 2(385):50-71. DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_50 [In Russian].
26. Nessar O. Political development of Afghanistan: Estimates and forecasts (2001-2014). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017:140 [In Russian].

27. Nessar O. Government of National Unity in Afghanistan. Vestnic of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018, 3:145–154 [In Russian].
28. Nessar O. The ethno-tribal factor and the political process in modern Afghanistan. Islam in the Middle East. 2015, 9: 379–383 [In Russian].
29. Nikityuk V.A. “Court liberalism”: the socio-political life of Afghanistan in 1910–1920. Theory of Law and Interstate Relations. 2021. Vol. 1, № 8(20):540–544 [In Russian].
30. Plastun V. Pashtuns and their role in political life. Asia and Africa today. 1995, 10:49–50 [In Russian].
31. Romodin V.A. Some historical and demographic data on the Afghan (Pashtun) population of Afghanistan. Countries and peoples of the East. Issue XV. Africa and Asia. Moscow: Nauka, GWRL, 1973:169–172 [In Russian].
32. Slinkin M.F. The People's Democratic Party of Afghanistan at power. The period of Taraki-Amin (1978-1979). Simferopol: Simferopol State University, 1999:359 [In Russian].
33. Khaneev M.V. The ethnic factor in the political construction of the Afghan statehood. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. Moscow: Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation, 2010:25 [In Russian].
34. Khristoforov V.S. (Afghanistan: the military and political presence of the USSR, 1979–1989). Moscow: IRI RAS, 2016:544 [In Russian].
35. Sharifi M.S. Problems of education development in Afghanistan: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of pedagogical sciences. Monday, 2010:25 [In Russian].
36. Pohanyar R.S. The role of scientific and academic institutions in strengthening peace in Afghanistan. Actual Science. 2021, 2(43):55-62 [In English].
37. Seyed H.M. Religious systems in Afghanistan. Actual Science. 2021, 2(43):73–79 [In English].
38. Ushakova E.V. The existence of Afghanistan in the conditions of a “stateless society”. Social Phenomena and Processes. 2022, 2:18–26 [In English].
39. Wahid S. Media role in Afghanistan presidential elections. Vestnic of Young Scientists of St. Petersburg State University of Technology and Design. 2021, 1:427–431 [In English]

About the authors

Valentina V. KOMLEVA DSc (Soc.). Deputy Director on Scientific Work of the National Research Institute of Communications Development, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: 22/1, Korobeinikov per, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru.

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 20 April 2023. Approved after peer reviewing: 25 May 2023. Accepted for publication: 15 June 2023. Published: 25 June, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.